

We your Majesty's faithful
New Hampshire, Rhode Island, Connecticut, New York, New Jersey,
Pennsylvania, Delaware, Maryland, Virginia, North Carolina, South Carolina, Georgia, and the City of London.

ЖЮЛЬ ВЕРН

We your
New Hampshire
Providence, New
Pennsylvania, the
Delaware, Mar
in behalf of or
have Deputed us
our humble pe
the throne.

A standing
the conclusion
opinions, and
has been emp

The Author
of the Brigad
supreme in a
The Com
North America
of a Colony.

The charges,
new, expressive
The judges of
impressed to receive
convinced by themselves
each open and enter
ground on legal information

ВВЕРХ ДНОМ

We your
New Hampshire
Providence, New
Pennsylvania,
Delaware, M
in behalf of
have Deputed
our humble
the throne.

A standing
the conclusion
opinions, and
has been emp

The Author
of the Brigad
supreme in a
The Com
North America
of a Colony.

The charges,
new, expressive
The judges of
impressed to receive
convinced by themselves
each open and enter
ground on legal information

Жюль Габриэль Верн
Вверх дном
Серия «Приключения участников
«Пушечного клуба»», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6036179
Вверх дном: РИМИС; М.:; 2013
ISBN 978-5-906122-06-3

Аннотация

Вниманию читателей предлагается третий и последний роман из космической трилогии знаменитого писателя-фантаста Жюль Верна – «Из пушки на Луну».

...Чтобы получить доступ к полезным ископаемым, члены Пушечного клуба, когда-то совершившие полет на Луну (романы «С Земли на Луну» и «Вокруг Луны») намерены повернуть земную ось. Для этого им казалось достаточно выпрямить наклон земной оси, устроив выстрел из гигантской пушки. Последствия ошибки в расчетах оказываются ошеломительными – моря затопляют континенты, а горы проваливаются под землю...

Текст печатается по изданию: Жюль Верн. Вверх дном. – Л.: Детгиз, 1952.

Содержание

Вверх дном	4
Глава I	4
Глава II	20
Глава III	41
Глава IV	57
Глава V	68
Глава VI	78
Глава VII	100
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Жюль Верн

Вверх дном

Вверх дном

Глава I

в которой рассказывается, с каким извещением обратилась «Северная полярная компания» ко всему свету

– Итак, мистер Мэстон, вы полагаете, что женщина не способна содействовать прогрессу точных и опытных наук?

– К моему великому сожалению, миссис Скорбит, я должен признаться в этом, – ответил Мэстон. – Среди женщин, в особенности русских, было несколько выдающихся математиков¹ – это я признаю охотно; но считаю, что у женщины такое строение мозга, при котором ей почти невозможно сделаться Архимедом² или – что еще меньше возможно

¹ Среди русских женщин-математиков более всего прославилась своими выдающимися трудами Софья Васильевна Ковалевская (1850—1891). (Здесь и далее – примечания Е. Брандиса; в редакции 1952 г.)

² Архимед – древнегреческий математик и механик.

– Ньютоном.³

– О, мистер Мэстон! Позвольте мне протестовать от имени нашего пола...

– Именно потому и полного прелести, что он лишен склонности к отвлеченным наукам...

– Следовательно, по-вашему, мистер Мэстон, падающее яблоко ни одну женщину не навело бы на открытие закона всемирного тяготения?

– При виде падающего яблока, миссис Скорбит, женщине никогда не пришло бы на ум иной мысли, как только съесть его!

– Ну для меня теперь ясно, что вы отрицаете в нас всякую способность к умственной деятельности!

³ *Ньютон* Исаак (1643—1727) – английский математик, астроном и физик.

О, мистер Мэстон! Позвольте мне протестовать...

– Всякую способность?.. Нет, не скажу этого; но не могу не обратить вашего внимания на то, что мы не знаем случая в истории, чтобы женский ум сделал бы в науке что-либо аналогичное открытиям Евклида⁴ и Лапласа.⁵

– Разве это доказательство? Разве прошлое всегда определяет будущее?

– Гм!.. Во всяком случае того, чего не случилось в течение тысячелетий, без сомнения, незачем ждать и в будущем!..

– И потому нам остается сложить оружие и признать, что мы способны быть лишь...

– Нашими добрыми гениями! – подхватил Мэстон со всею любезностью, на какую был способен ученый, начиненный всякими иксами. Впрочем, это вполне удовлетворило миссис Скорбит.

– Ну что ж, – продолжала она, – каждому свое. Оставайтесь великим математиком и отдайтесь всецело задачам того великого предприятия, которому вы и друзья ваши собираетесь посвятить свою жизнь. А я займу скромное место доброго гения, придя на помощь вашему делу деньгами...

– Чем заслужите вечную нашу благодарность, – ответил

⁴ *Евклид* или *Эвклид* – один из величайших математиков древней Греции.

⁵ *Лаплас* Пьер Симон (1749—1827) – французский математик, физик и астроном.

Мастон.

Щеки миссис Скорбит покрылись восхитительным румянцем; объяснялось это тем, что она питала – если не ко всем ученым, то, во всяком случае, к своему собеседнику – глубокую симпатию.

Великое предприятие, на которое эта богатая американская вдова решила пожертвовать изрядную долю своих капиталов, действительно можно было назвать великим. Вот в чем оно состояло и вот каковы были цели его учредителей.

В 189... году у правительства Соединенных Штатов возник неожиданный план – пустить с торгов еще никем не открытую область, лежащую вокруг Северного полюса. Эту арктическую горбушку земного шара хотела купить одна американская компания, специально для того и образовавшаяся. Предполагалось, что затем компания получит у правительства концессию на эксплуатацию этой области.

Правда, за несколько лет до этого на некой конференции в Берлине⁶ был установлен специальный порядок для великих держав, которые захотели бы захватить чужие земли под предлогом колонизации или открытия новых рынков. Однако эти правила не были приложимы в данном случае, так как полярные области были необитаемы. И всё же, поскольку то, что не принадлежит никому, в равной степени принадлежит всем, новая компания решила овладеть ими; но, чтобы избе-

⁶ Жюль Верн имеет в виду Берлинскую конференцию 1884 года, на которой великие державы договорились о разделе еще не захваченных районов Африки.

жать в будущем каких-либо посягательств на эти земли, было предположено не «захватывать», а «купить» их.

В Соединенных Штатах ни одно предприятие, даже самое дерзкое, почти невыполнимое, не останется без сторонников, готовых взять на себя практическую сторону дела и вложить в него свои средства. Так случилось и тогда, когда несколько лет тому назад балтиморский Пушечный клуб решил отправить на Луну снаряд, в надежде установить прямое сообщение с нашим спутником. Разве не нашлось тогда среди предприимчивых янки людей, которые предоставили огромные суммы, необходимые для этой соблазнительной затеи? И она была осуществлена потому, что двое членов вышеназванного клуба не побоялись сами участвовать в выполнении этого безумного опыта.

Если какой-нибудь новый Лессепс⁷ затеял бы прорыть канал глубокого профиля через Европу и Азию, от волн Атлантического океана до китайских морей, или какой-нибудь изобретательный инженер предложил бы буравить землю до самых глубинных слоев, чтобы воспользоваться даровым подземным теплом, или какой-нибудь смелый электротехник захотел бы соединить воедино все рассеянные по земному шару электрические токи для того, чтобы иметь постоянный, неиссякаемый источник света и тепла, или какой-нибудь строитель задался бы идеей соорудить вместилище необъятных размеров для хранения излишков летнего

⁷ *Лессепс* – французский инженер, строитель Суэцкого канала.

тепла, чтобы передавать его зимой в холодные зоны, – сколько бы возникло «обществ» и «компаний»! В таких случаях американцы всегда окажутся первыми среди вкладчиков, и доллары польются в кассы акционерных обществ, как вливаются воды американских рек в лоно океанов.

Понятно поэтому, что слух о странном намерении сделать полярную область собственностью того, кто предложит за нее на торгах наибольшую цену, – возбудил живейший интерес.

Использовать полярные страны! Поистине эта мысль могла зародиться только в голове безумца!

А между тем проект был совершенно серьезный. В газетах всего мира – в европейских, африканских, азиатских, в газетах Океании и, прежде всего, в газетах американских – 7 ноября было опубликовано волнующее сообщение. Оно обошло весь мир, но ученые и коммерсанты отнеслись к нему весьма различно. Оно гласило:

«К сведению жителей земного шара.

Области вокруг Северного полюса, находящиеся по ту сторону восемьдесят четвертого градуса северной широты, до сих пор не эксплуатируются по той простой причине, что они еще никем не открыты. Это пространство между восемьдесят четвертой параллелью и полюсом, измеряемое в шесть градусов, можно рассматривать как владение, нераздельно принадлежащее государствам земного шара. Его можно сделать частной собственностью, продав с публичных

торгов.

Принципы справедливости не допускают, чтобы что-нибудь оставалось нераздельным. Следуя этим принципам. Соединенные Штаты Северной Америки решили заняться отчуждением Полярной области.

В Балтиморе уже образовалась компания под названием «Северная полярная компания», официально представляющая интересы Северо-Американских Штатов. Общество это задалось целью приобрести на правах собственности указанную область со всеми ее островами, материками, скалами, морями, озерами, реками и ручьями и притом независимо от того, будут ли они покрыты льдом вечно или будут в летнее время освобождаться от него.

Приобретенное право собственности ни в коем случае не может быть отменено в силу давности и останется неотъемлемым даже и в том случае, если бы с земным шаром произошли какие-либо изменения в географическом или метеорологическом отношении.

О всем изложенном извещаются жители обоих полушарий для того, чтобы все государства могли принять участие во всемирном аукционе, причем право собственности останется за тем, кто предложит высшую цену.

День аукциона назначен на 3 декабря текущего года в городском аукционном зале, город Балтимора, штат Мэриленд, Соединенные Штаты Америки.

За справками просят обращаться к Вильяму С. Форстеру – временному агенту «Северной полярной

компании» – Хай-стрит, 93, Балтимора».

Конечно, такое объявление можно было считать чистой-шим безумием. Но по ясности и точности оно не оставляло желать ничего лучшего, – это тоже несомненно. Серьезная сторона сообщения доказывалась тем, что правительство Северо-Американских Штатов, еще не дождавшись прав собственности, уже заявило концессию на земли Полярной области.

Общественное мнение разделилось: одни считали, что это очередное дутое предприятие, которые так часты в американском коммерческом мире. Но другие отнеслись к делу серьезнее, полагая, что оно заслуживает большего внимания уже потому, что новосозданная компания, не покушаясь на общественный кошелек, рассчитывает исключительно на собственные капиталы. Людям скуповатым казалось, что вышеупомянутая компания должна была просто «открыть» эту область вместо того, чтобы ее покупать. Но в этом-то как раз и была трудность: ни один человек до сих пор не мог добраться до полюса. Поэтому в случае, если бы Соединенные Штаты приобрели эту область, концессионеры и хотели совершить на нее купчую по всем правилам, чтобы никто уже не оспаривал их владения. Несправедливо было бы их бранить. Они действовали осторожно, и поскольку в делах такого рода полагается иметь договор, то предосторожности не могли казаться излишними.

В объявлении была, между прочим, одна довольно зага-

дочная оговорка, видимо имевшая целью устранить недо-
разумения, могущие возникнуть впоследствии. Этот пункт
гласил следующее: «Приобретенное право собственности ни
в коем случае не может быть отменено в силу давности и
останется неотъемлемым даже и в том случае, если бы с зем-
ным шаром произошли какие-либо изменения в географиче-
ским или метеорологическом отношениях».

Что означала эта оговорка? На какую случайность она на-
мекала? Какие изменения могли произойти на земном ша-
ре, с которыми пришлось бы считаться и географии и ме-
теорологии? Смысл ее давал повод ко многим толкованиям,
чем газеты тотчас же воспользовались. Так, одна газета, из-
дающаяся в Филадельфии, поместила следующую заметку,
не лишенную юмора:

«Делая подобного рода оговорку, будущие собственники
северной Полярной области тем самым доказали, что им из-
вестно о предстоящем в недалеком будущем столкновении
земного шара с какою-нибудь кометой, обладающей твердым
ядром, а это столкновение вызовет географические и клима-
тические изменения». Фраза была достаточно длинна, но всё
же не объяснила ничего. Кроме того, возможность столкно-
вения с кометой людям благоразумным казалась невероят-
ной.

Во всяком случае, невозможно было допустить, чтобы
концессионеры всерьез стали бы считаться с таким предпо-
ложением.

«Северная полярная компания» задалась целью приобрести на правах собственности указанную область...

Другая, новоорлеанская, газета задала вопрос: «Да почему же, наконец, новая компания так уверена в том, что если такое столкновение действительно произойдет, то оно должно непременно повлиять благоприятно на эксплуатацию ее владений?»

«Действительно, – писало парижское «Научное обозрение», – Адемар⁸ в своем сочинении «Возмущения океана» допускает, что предварение равноденствий⁹ в соединении с вековым перемещением большой оси земной орбиты, естественно, может иметь влияние на постепенное изменение температуры в различных пунктах Земли, а тем самым повлиять на льды, нагроможденные у полюсов».

«Это далеко еще не доказано, – возразило «Эдинбургское обозрение». – Но, даже допустив возможность подобного явления, необходимо принять во внимание, что потребуется целых двенадцать тысяч лет для того, чтобы звезда Вега сде-

⁸ Адемар (1797—1862) – французский математик, автор теории периодичности ледниковых эпох и последовательного их перемещения с одного полушария Земли на другое.

⁹ Предварение равноденствий – название одного из движений Земли, состоящего в том, что земная ось медленно в течение 26000 лет описывает конус, вследствие чего «полярными звездами» последовательно являются различные звезды северного неба.

лалась нашей Полярной звездой».

«Ну, что же! Подождем двенадцать тысяч лет, тогда, пожалуй, и рискнем купить одну-две акции, а пока – ни кроны», – вставил свое словечко и копенгагенский «День».

Во всяком случае, прав был Адемар или нет, можно было вполне ручаться, что члены «Северной полярной компании» никогда не возлагали надежд на предварение равноденствий.

Казалось бы, для получения самых верных сведений проще всего было обратиться к председателю, секретарю или вообще к кому-либо из членов названного общества. Но в tomto и дело, что никого из них никто никогда не видел. Они были таинственными невидимками. Неизвестно было даже, от чьего имени исходило объявление. Знали только, что в редакцию «Нью-Йоркского Герольда» оно было доставлено жителем Балтиморы неким Вильямом Форстером, агентом фирмы Ардринель и К^о в Ньюфаундленде, торгующим треской, – лицом, очевидно, подставным. К тому же Форстер был нем, как треска, которой он торговал, и ни одному, даже самому ловкому, репортеру не удалось выудить у него ни звука. Словом, «Северная полярная компания», устранив всякую возможность связать с собой хоть одно имя, прекрасно сохранила свою анонимность.

И всё же, хотя учредители нового коммерческого предприятия старательно хранили свое имя в тайне, цель их компании была вполне обстоятельно изложена в объявлении, которое было сообщено населению обоих полушарий. Дело за-

ключалось в том, чтобы приобрести в полную собственность часть Полярной области, центр которой составлял Северный полюс. Область эта, как уже говорилось, не была еще исследована и являлась, так сказать, совершенно девственной территорией. Но она занимала площадь почти вдвое больше площади Франции и представляла довольно лакомый кусочек? Конечно, смежные с ней государства взглянут на эти арктические страны как на продолжение своих владений к северу и предъявят свои требования.

Государств, по причинам близкого соседства, имевших право на указанную территорию, было шесть: Америка, Англия, Дания, Швеция с Норвегией¹⁰, Голландия и Россия. Это, впрочем, не исключало вмешательства и других держав, смелые исследователи которых делали неоднократно попытки проникнуть в таинственную Полярную область. Некоторые другие государства – в их числе Франция и Германия – могли бы притязать на полярные области, потому что их отважные путешественники сделали на Севере немало открытий, но они всё же отказались от полярного пирожного, боясь обломать себе на нем зубы, вероятно. Италия, не имевшая никаких прав на вмешательство в это дело, тоже не стала вмешиваться, хоть это и было вовсе странно!

Наконец, остаются якуты и другие сибирские народы, эскимосы, занимающие обширные территории Северной Америки, туземцы Гренландии, Лабрадора, Берингова Архипе-

¹⁰ Они тогда составляли одно государство.

лага, Алеутских островов и островов, находящихся между Азией и Америкой; наконец – те, которые под именем чукчей населяют старинную русскую Аляску (она стала американской с 1867 года)¹¹. Но эти племена, хотя они-то и есть подлинные жители этих мест, бесспорно владеющие Севером, не могут иметь права голоса в этом деле.

Да и как, чем бы расплачивались эти бедняки на аукционе, объявленном полярной компанией? Раковинами, моржовыми клыками или тюленьим жиром?

Правда, она им принадлежала отчасти, ведь они первые ее «открыли», они по праву владели ею, этой областью, которую сейчас американцы собирались продать с публичных торгов! Но ведь это якуты, чукчи, эскимосы, – их даже никто и не спрашивал...

¹¹ В 1867 году правительство царской России, не считаясь с интересами государства, продало Соединенным Штатам русскую землю – полуостров Аляску за ничтожную сумму в 7 миллионов долларов.

Глава II

в которой читатель познакомится с делегатами Голландии, Дании, Швеции, России и Англии

Опубликованное сообщение не могло остаться без отклика. Ведь если бы новой компании удалось приобрести полярные земли, то они стали бы полной собственностью Соединенных Штатов, проявляющих в последнее время бешеное стремление к непрерывным захватам. Совсем недавно они получили от России порядочный кусок – от Северных Кордильер до Берингова пролива, что очень округлило площадь Нового света. Другие державы едва ли будут смотреть спокойно, как Соединенные Штаты станут теперь расширяться за счет полярных областей.

Объявление было доставлено в редакцию «Нью-Йоркского Герольда».

Но, как уже было сказано, большинство стран отказалось от участия в этих удивительных торгах, настолько результаты их казались им проблематическими. Только государства, берега которых достигали восемьдесят четвертой параллели, решили воспользоваться своим правом и послать своих официальных представителей.

Однако, далеко не доверяя сомнительным выгодам этого предприятия, державы оказались не особенно щедрыми на покупку недоступных земель, рыночная стоимость которых была по меньшей мере спорной; и только ненасытная Англия решила предоставить своему делегату широкие полномочия. Следует оговориться, что приобретение области, о которой в данном случае идет речь, никоим образом не грозило нарушением «европейского равновесия».

Вот каковы были основания каждого из государств, претендовавших на участие в торгах.

Швеция и Норвегия основывали свои требования на подвигах норвежца Кейльхау и известного мореплавателя шведа Норденшельда, так много сделавших на поприще географических исследований, и заявляли свои права на всё пространство, начиная от Шпицбергена до Северного полюса.

Дания напоминала об открытиях Иенса Мунка, впервые

исследовавшего в 1619 году восточный берег Гренландии. В настоящее время она владеет побережьем Гренландии, а также Исландией и Ферерскими островами, и это утверждает ее неоспоримое право выступать покупателем.

Голландия ссылалась на то, что ее моряки Баренц и Хэмскерк еще в конце XVI столетия посетили Шпицберген и Новую Землю, а несколько позже, в 1611 году, голландец Мэйен присоединил к своему отечеству остров, названный его именем.

Смелый француз Белло погиб в 1853 году около острова Бичи во время плавания «Феникса», посланного на розыски Джона Франклина.

Россия указывала на ряд имен и сделанных русскими мореплавателями открытий, начиная с первой половины XVIII столетия. Таковы: Алексей Чириков под командой Беринга с Павлущим, капитан Мартын Шпанберг и лейтенант Вальтон, которые приняли участие в исследованиях пролива, отделяющего Азию от Америки¹². Больше того, по самому положению сибирских территорий, протянувшихся на сто двадцать градусов до самой Камчатки, этих бесконечных берегов, где обитают якуты, чукчи и другие племена русского государства, не господствуют ли русские над половиной Северного Ледовитого океана? Далее, на семьдесят пятой параллели, едва в девятистах милях от полюса, разве не владеют они островами и островками Новой Сибири и Ляховскими островами, открытыми ими в XVIII веке? Наконец, в 1764 году, раньше англичан, раньше американцев, раньше шведов Чичагов сделал попытку найти новый проход, чтобы сокра-

¹² Перечень русских исследователей Северо-Западной Америки должен быть открыт именем замечательного русского землепроходца середины XVII века Семена Дежнева, впервые доказавшего, что Америка составляет отдельный материк. Тогда же было основано первое русское поселение на Аляске. (Об открытии русскими путешественниками Северо-Западной Америки см. в книге академика Л. С. Берга «Великие русские путешественники», М – Л.: Детгиз, 1950.)

тить путь, отделяющий два континента.

Америка тоже говорила о своих правах. Разве не из этой страны происходили такие путешественники, как Джон Франклин, Кэн, Гриннель, Гейс, Грили, де Лонг? Разве не ей принадлежат целые группы таких островов, как принца Альберта, Виктории, короля Вильгельма, Мельвиль, КокВерн и многие другие архипелаги и острова меньших размеров? Поэтому совершенно естественно, что предложение пустить в продажу околполярные земли исходило от правительства Соединенных Штатов и притом в интересах некой американской компании.

Претензии Великобритании обосновывались тем, что она владеет Канадой и Британской Колумбией и что многочисленные мореплаватели участвовали в арктических экспедициях и даже пробирались на 15" дальше американцев. Этим подкреплялось ее желание присоединить эту часть земного шара к своей обширной колониальной империи. Подумайте только, какой удар будет нанесен самолюбию Англии, если эта область от нее ускользнет!

Следовало предполагать, что самая упорная борьба разыграется между Англией и Америкой, между долларом и фунтом стерлингов.

Все-таки европейские государства созвали совещание промышленников и ученых. В результате долгих споров было решено участвовать в торгах, открытие которых было назначено на 3 декабря в Балтиморе. Делегатам были опреде-

лены кредиты, которых они должны были строго придерживаться. Что касается суммы, которая будет выручена от продажи, то она будет разделена между пятью менее удачливыми покупателями; это будет возмещением за их убытки, с тем чтобы они отказались на будущее от всяких прав на продаваемую область.

Наконец все вопросы были решены, делегаты, снабженные соответствующими полномочиями, покинули свои страны, отправились в Америку и приехали в Балтимору за три недели до назначенного срока.

Делегатом Северо-Американских Штатов оказался опять всё тот же Вильям Форстер, представитель «Северной полярной компании», имя которого появилось 7 ноября под объявлением «Нью-Йоркского Герольда».

От Голландии явился Яков Янсен, коренастый, краснощекий, небольшого роста мужчина, прослуживший немало лет в голландской Индии, человек положительный, не особенно доверяющий предприятиям, лишенным близкой практической цели.

Со стороны Дании – Эрик Бальденак, бывший вице-губернатор в Гренландии, среднего роста, с необыкновенно большой головой, толстяк, настолько близорукий, что читал всякую бумагу, буквально уткнувшись в нее носом; он не признавал ничьих прав на Полярную область, кроме прав своего государства.

Швеция и Норвегия прислали Яна Гаральда – профессора

астрономии в Христиании, бывшего одним из самых горячих сторонников экспедиции Норденшельда, со здоровым, свежим цветом лица и русой бородой, типичного северянина. Он упорно держался того мнения, что скрытая от человеческого взора, таинственная Полярная область представляет сплошное нагромождение льдин, а потому и относился к данному вопросу более чем равнодушно.

От России выступил Борис Карков – полувоенный, полудипломат, высокий, представительный, усатый, бородатый. Его очень интересовал вопрос, нет ли в задуманном «Северной полярной компанией» предприятия какой-либо скрытой цели, могущей впоследствии послужить поводом к международным конфликтам.

Наконец, со стороны Англии выступили майор Джон Донеллан и его секретарь Дэн Тудринк¹³ – два делегата, воплотившие в себе все аппетиты, стремления, инстинкты коммерческих и промышленных деятелей своего отечества, с присущей этой нации привычкой считать, по какому-то специально для них существующему закону природы, все северные, южные, экваториальные и прочие области, не принадлежащие еще никому, – своими.

Майор был высокий, худой, костлявый, нервный, но еще вполне крепкий для своих шестидесяти лет старик, энергичный и неутомимый в работе, что он и доказал, прослужив много лет в Индии. Сомнительно, улыбался ли он когда-ни-

¹³ По-английски *to drink* – значит: пить, напиваться.

будь в своей жизни. Разве машина или паровоз когда-нибудь смеются? В этом отношении его секретарь Дэн Тудринк представлял резкую противоположность. Шотландец по происхождению, веселый, экспансивный малый, с пышной волнистой шевелюрой и быстрыми, живыми маленькими глазами, он из-за своих острот и шуток был хорошо известен в ресторанах и кафе. При этом он отличался той же односторонностью и непримиримостью, как и майор Донеллан, когда дело доходило до захвата Англией чужих земель.

Этим исследователям принадлежит честь наибольшего приближения к Северному полюсу.

По-видимому, оба делегата собирались выступить рьяными противниками представителя «Северной полярной компании»: Полярная область с основания мира принадлежит англичанам и никому более, и они сумеют отстоять ее от притязаний янки, несмотря на то, что с долларом, конечно, бороться будет нелегко!

Не мешает заметить, что хотя Франция отказалась от активного вмешательства, все-таки в Балтимору приехал один французский инженер. Якобы из любви к искусству, он хотел следить за общим ходом дела.

Все делегаты приехали отдельно, на разных пароходах. В данную минуту это были только соперники. Все они были снабжены известными средствами, но не в равной степени: один мог располагать миллионом, другой – меньшей суммой, третий – большей и т. д. Впрочем, за такой кусок нашей планеты, до которого, по-видимому, нельзя добраться, никому не хотелось платить втридорога.

С прибытием делегатов в Балтимору газеты опять забили тревогу, стараясь перещеголять одна другую в догадках по поводу пущенной в продажу Полярной области. Какую прибыль можно из нее извлечь? Что там можно делать? Ремонтировать ледники?

Между тем сами уполномоченные, избегавшие даже случайных встреч до приезда в Балтимору, водворившись в городе, быстро познакомились друг с другом. Дело было в том, что каждый надеялся, спустившись с парохода, отыскать представителя таинственной «Северной полярной компании» и осторожно выведать у него подробности затеянного предприятия. Каковы были тайные цели компании? Какие выгоды могло принести это дело? Но оказалось, что Форстер нем, как треска; может быть, он и сам ровно ничего не знал. Поэтому, когда делегаты окончательно убедились в несбыточности своих надежд, они отказались от взаимного недоверия и началось сближение. Делегаты прощупывали стремления и намерения каждого из своих коллег не без задней мысли составить нечто вроде союза против общего, невидимого, но страшного соперника. С этой целью 22 ноября, в гостинице «Уолсли», в помещении, занимаемом майором Донелланом и его секретарем, состоялось нечто вроде совещания делегатов, инициатором которого явился русский уполномоченный Борис Карков, бывший, как уже сказано, очень тонким дипломатом.

Разговор начался с вопроса профессора Гаральда: не удалось ли кому-нибудь из собравшихся коллег раздобыть хоть какие-нибудь сведения о коммерческих и промышленных целях нового предприятия? Вот тут-то и обнаружилось, что все делали попытку что-нибудь разузнать у Форстера, но потерпели полную неудачу.

– Мне совсем не повезло, – признался Эрик Бальденак.

– Да и я не имел успеха, – прибавил Янсен.

– Что касается меня, – сказал Дэн Тудринк, – дело было так: явившись в магазин на Хай-стрите, я застал там какого-то толстого господина в цилиндре, черном сюртуке и длинном белом переднике, закрывавшем его от подбородка до пяток. Отрекомендовавшись, я сказал ему, что пришел от имени майора Донеллана получить кое-какие сведения; на это последовал ответ, что сейчас только пришел из Нью-Фаундленда пароход «Южная звезда» с большим грузом свежей трески и что он может уступить мне большую партию в счет фирмы Ардринель и К°.

– Ну, что ж, – заметил голландский делегат, относившийся очень недоверчиво ко всему делу, – по-моему, лучше купить партию трески, чем бросать деньги на покупку каких-то неведомых ледников.

– Речь идет вовсе не о треске, – резким и высокомерным тоном прервал его майор Донеллан, – а о Полярной области, которую...

– Америка собирается проглотить! – шутливым тоном закончил за него Дэн Тудринк.

– Не поперхнется ли она ею? – заметил Борис Карков.

– Повторяю, – тем же тоном продолжал свое Донеллан, – речь идет не о треске, а о том, что Америка, в лице «Северной полярной компании», собирается купить площадь в 400000 квадратных миль за 84° северной широты...

– Всё это нам уже давно хорошо известно, майор Донеллан, – перебил его на этот раз профессор Гаральд. – Теперь нас больше всего интересует, как именно Америка собирается эксплуатировать эти моря, территории и...

Майор Донеллан начал в третий раз:

– Речь идет не о треске. Некое государство хочет купить часть земного шара, которая по своему географическому положению должна принадлежать исключительно Англии...

– России, – сказал полковник Карков.

– А почему бы не Голландии? – спросил Янсен.

– Скорее всего Швеции и Норвегии, – вставил профессор Гаральд.

– А по-моему, Дании, – сказал Эрик Бальденак.

Делегаты ошетинились, и мирное совещание грозило перейти в горячий спор, но тут на помощь явился Дэн Тудринк.

– Мой коллега, – сказал он самым примиряющим тоном, – коснулся вопроса, который уже давно решен: Полярная область пущена с публичных торгов и делается собственностью того, кто за нее предложит больше всех. Ввиду того, что каждый из присутствующих здесь уполномочен своим государством распоряжаться известной суммой, не лучше ли будет составить синдикат¹⁴, что даст нам возможность сообща отразить притязания «Северной полярной компании»?

¹⁴ *Синдикат* – объединение капиталистических предприятий для получения сверхприбылей. Синдикат устанавливает низкие цены на сырье и высокие цены на готовую продукцию.

Форстер сказал, что он может уступить большую партию трески.

Делегаты переглянулись. Синдикат! Что ж, не глупо придумано! Теперь в промышленности и в политике это словцо в большой моде. Хочешь дышать, пить, есть, спать – всем распоряжается какой-нибудь синдикат!

Однако еще не всё было ясно.

– Ну, а что дальше? – спросил Янсен.

– Да, в самом деле... Положим, синдикат купит. Что же ему затем делать со своим приобретением?..

– Мне кажется, что Англия... – начал было майор сухим тоном.

– И Россия, – прибавил полковник Карков, нахмутив брови.

– И Голландия, – поспешил вставить Янсен.

– С тех пор, как существует Дания... – начал Эрик Бальденак.

– Позвольте, позвольте, – вмешался опять Дэн Тудринк. – Из-за чего нам ссориться?.. Вернемся лучше к нашему синдикату.

– Ну-с, а что же из этого будет дальше? – повторил свой вопрос Гаральд.

– Дальше? – ответил Дэн Тудринк, – а вот что: когда вы купите Полярную область, она останется или в общем владе-

нии, или четыре державы уступят ее – понятно, за известное вознаграждение – в полную собственность пятой. Во всяком случае этим будет достигнута наша главная цель: окончательное исключение Америки из числа претендентов.

Предложение английского секретаря показалось всем благоразумным; на первое время, конечно, потому что в недалеком будущем, когда дело дошло бы до выбора, того пятого счастливица, которому все остальные четыре собственника уступят свои доли, все делегаты не преминули бы вцепиться друг другу в волосы. Во всяком случае хорошо было уже и то, что, как справедливо заметил Тудринк, Америка окончательно исключалась из числа совладельцев.

– Что умно так умно, – одобрил Эрик Бальденак.

– Да, ловко, – согласился полковник Карков.

– Хитро, – подтвердил Янсен.

– Находчиво, – сказал Гаральд.

– Чисто по-английски, – изрек и сам майор Донеллан.

Каждый вставил свое словцо, тая в душе надежду в удобное время провести своих товарищей.

– Итак, – сказал Карков, – решено: если мы составим синдикат, каждому из государств будет предоставлено в будущем действовать вполне самостоятельно. Правильно?

Все подтвердили.

Предстояло только выяснить, какими кредитами располагал каждый делегат. Деньги предстояло сложить вместе, и сумма, без сомнения, превысит денежные возможности «Се-

верной полярной компании».

Вопрос о кредитах предложил всё тот же Тудринк. Но тут произошло нечто неожиданное.

Воцарилось полное молчание.

Никто не хотел отвечать. Вывернуть свои карманы? Заранее открыть карты и назвать соперникам ту предельную сумму, которой каждый из них может располагать? Нет, благодарим покорно! Ну, а если между членами синдиката возникнут раздоры? Да и вообще разве обстоятельства не могут измениться? Нет, нет, ни за что! Предстоящая игра требует большой осторожности. Показать содержимое своих кошельков – равносильно верному проигрышу.

Очевидно, что ответить Тудринку можно было только двояким образом: или преувеличить свой кредит, что, впрочем, могло создать самое неловкое положение в ту минуту, когда потребовалось бы внести наличные деньги, или, наоборот, настолько уменьшить его, что вся затея синдиката обратилась бы в шутку.

Последняя мысль возникла прежде всего у голландского делегата, который и без того не придавал серьезного значения предложению английского секретаря: остальные, понятно, ухватились за нее.

– К моему крайнему сожалению, – сказала Голландия, – для покупки Полярной области я располагаю суммой всего в пятьдесят риксдалеров.

– А я – всего тридцатью пятью рублями, – сказала Россия.

– А я – двадцатью кронами, – сказала Швеция и Норвегия.

– А я – и того меньше: всего пятнадцатью кронами, – объявила Дания.

– Что же, тем лучше для вас, – произнес майор Донеллан обычным своим презрительным тоном. – Очевидно, Полярная область останется за вами, так как Англия собирается предложить за нее полтора шиллинга.

И на этом закончилось совещание делегатов Старого света.

Глава III

в которой производится продажа арктической области

Почему продажа Северного полюса, назначенная на 3 декабря, должна была состояться в обыкновенном аукционном зале, где продавалась мебель, посуда, утварь, инструменты – одним словом, всякое движимое имущество? Почему, раз дело шло об имуществе недвижимом, аукцион не назначили, как принято в подобных случаях, в конторе нотариуса или в гражданском отделении суда? И, наконец, к чему понадобилось участие оценщика, если вопрос шел о продаже целой части земного шара? Разве можно было Северный полюс – нечто, являющееся самым неподвижным в целом свете, – приравнять к обыкновенному движимому имуществу?

Это казалось нелепым, но всё же было так. Полярная область продавалась как простая движимость, и купчая крепость нимало не теряла от этого своей силы. Но, с другой стороны, не указывало ли это условие продажи на то, что «Северная полярная компания» смотрит на свою недвижимость, как на нечто такое, что можно переместить? Эти странности очень удивляли проницательных людей; правда, их не так много в Соединенных Штатах.

Необычайность дела привлекла в день аукциона огром-

ную толпу, если и не серьезных покупателей, то во всяком случае любопытных, которым не терпелось узнать, чем всё это кончится. Да и в самом деле, состязание обещало много интересного.

К тому же надо заметить, что со времени приезда в Балтимору европейских делегатов за ними очень ухаживали, их окружали большим вниманием, причем, само собой разумеется, газетные репортеры не оставляли их в покое. Немудрено поэтому, что общественное мнение, как случается всегда в Америке, было чрезвычайно возбуждено. Составились безумные пари – обычная форма, в какую выливается в Соединенных Штатах общественное возбуждение. Хотя граждане всех частей страны разделились на группы, придерживавшиеся каждая своего мнения, но в общем все были, конечно, на стороне соотечественников. Американцы надеялись, что Северный полюс укроется под голубым звездным флагом. Однако эта надежда не мешала им испытывать некоторого рода тревогу. Им не страшны были ни Россия, ни Дания, ни Швеция с Норвегией, ни Голландия, но тут была Англия с ее захватническими претензиями, с упорным стремлением всё присвоить, с ее деньгами, на которые она не скупилась. Одни держали пари за Англию, другие за Америку, как делается на скачках и на бегах, и число стоявших за оба эти государства было почти одинаково. На остальные четыре державы никто не ставил. Хотя аукцион назначен был в двенадцать часов, но скопление любопытных на Болтон-стрит

уже с раннего утра мешало уличному движению. Возбуждение достигло крайней степени. Еще накануне телеграф сообщил всем европейским газетам, что большая часть пари, предложенных американцами, была принята англичанами, о чем немедленно, по распоряжению Тудринка, были вывешены объявления на стенах аукционного зала. Среди публики разнесся слух, что английское правительство предоставило в распоряжение майора Донеллана значительные суммы и что арктические области уже внесены лордами Адмиралтейства в список колоний.

Сколько во всем этом было правды, никто не знал, но в этот день даже самые осторожные и рассудительные из жителей Балтиморы решили, что если «Северная полярная компания» будет предоставлена только собственным силам, то в борьбе с Англией она потерпит поражение. Одна возможность чего-нибудь подобного навела такой страх, что некоторые из наиболее горячих янки немедленно же сделали попытку произвести давление на вашингтонское правительство. А сама компания, в лице своего скромного агента Форстера, казалось, вовсе и не замечала охватившего всех волнения и оставалась по-прежнему невозмутимой, как бы заранее уверенная в победе.

По мере того как приближался назначенный час, толпа всё прибывала, и за три часа до открытия аукциона Болтон-стрит был уже настолько запружен публикой, что, казалось, не было никакой возможности пробраться к зданию

аукционного зала. А когда двери его распахнулись, то вмиг всё пространство, отведенное публики, переполнилось до такой степени, что негде было упасть яблоку. Осталось незанятым только одно небольшое отгороженное место для делегатов.

Туда прошли пятеро представителей европейских держав. Они стали тесной кучкой, плечо к плечу, точно солдаты, готовые идти на приступ.

Они ведь и в самом деле собирались броситься на штурм Северного полюса!

Со стороны Америки и на этот раз не явилось никого, если не считать агента рыбной фирмы, грубое лицо которого выражало полное равнодушие ко всему, что творилось вокруг него. Казалось, он думал лишь о новых партиях трески, которые должны были прибыть к нему из Нью-Фаундленда. Глядя на него, публика недоумевала, ломая себе голову над вопросом: кто же, наконец, те таинственные капиталисты, представителем которых является этот толстяк, быть может, ворочавший миллионами долларов? Никому и в голову не приходило заподозрить, что Мэстон и миссис Скорбит имеют отношение к этому делу. Да и как можно было об этом догадаться? Затерянные в толпе, они сидели среди не принимавшей участия в аукционе публики. С ними были некоторые выдающиеся члены Пушечного клуба, товарищи Мэстона. С виду они были просто зрителями, как и все присутствующие в этом зале. Казалось, Форстер даже не знаком

с ними.

Само собою разумеется, что, вопреки установившемуся при публичных аукционах обычаю выставлять продаваемый предмет перед публикой, объект продажи выставлен на этот раз быть не мог. Нельзя же было передавать Северный полюс как какую-нибудь безделушку или старинную вещицу из рук в руки, разглядывать в лупу и тереть пальцем, пробуя, не поддельная ли на ней позолота.

Однако если налицо и не было самого полюса, зато на стене за оценщиком висела – предоставленная взглядам присутствующей публики и всех заинтересованных в этом предприятии лиц – огромных размеров географическая карта приполярных стран. На этой карте, на семнадцать градусов выше Полярного круга, была проведена яркая черта, шедшая вдоль всей восемьдесят четвертой параллели, обозначавшая именно ту часть земного шара, которая по инициативе «Северной полярной компании» была пущена в продажу. Область эта, следовало предполагать, представляла собой море, сплошь покрытое толстой ледяной корой. Но это уж, конечно, касалось только тех, кто желал ее приобрести. Во всяком случае обмана не было: всякий видел, что покупает.

Ровно в двенадцать часов из маленькой двери в глубине зала вышел главный распорядитель аукциона Эндрю Джилмор и занял место у стола. Флинт – аукционист, на котором лежит обязанность выкликать цену, отличавшийся необыкновенно могучим голосом, – уже давно расхаживал своей

тяжелой походкой вдоль решетки, отделяющей стол аукциониста от публики. Оба заранее предвкушали удовольствие положить в свои карманы солидный процент от предстоявшей продажи. Само собою разумеется, что покупка, согласно американским правилам, должна была состояться на наличные деньги, выплаченные немедленно. Вся сумма, вырученная от продажи, как бы велика она ни была, должна быть сполна передана прямо в руки тем делегатам, которым об- ласть не достанется.

В зале раздался звонок, оповестивший открытие аукцио- на.

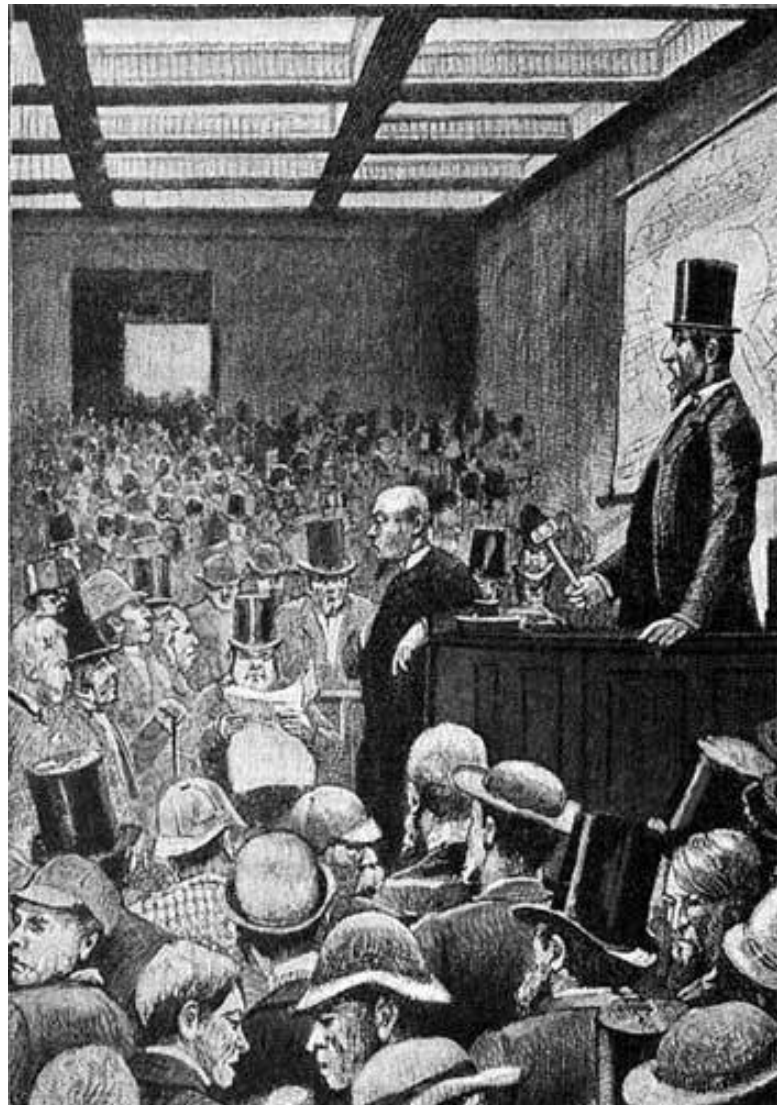
Настала самая торжественная минута. Во всем квартале, во всем городе дрогнули сердца, и по всему Болтон-стрит и прилегающим улицам пронесся гул, нашедший себе отклик и в стенах зала.

Эндрю Джилмору пришлось подождать, чтобы шум и вол- нение немного утихли.

Наконец он встал и обвел глазами присутствующих; затем, сбросив монокль, начал взволнованным голосом:

– По предложению нашего правительства, а также с согла- сия государств Нового и Старого света, назначена в прода- жу недвижимость, расположенная вокруг Северного полюса, ограниченная восемьдесят четвертою параллелью и состоя- щая из материков, морей, островов, островков, ледяных по- лей, со всем, что там есть твердого или жидкого. Обращаю ваше внимание на карту, – продолжал он, указывая паль-

цем на географическую карту, составленную на основании новейших исследований. – Площадь этого участка равняется приблизительно четыреста семи тысячам квадратных миль. Для удобства продажи решено отнести оценку к каждой квадратной миле отдельно. Поэтому каждый цент будет считаться за четыреста семь тысяч центов, а целый доллар – равным четыреста семи тысячам долларов... Потеше!..

Эндрю Джилмору пришлось подождать, чтобы шум и волнение немного утихли.

Последняя просьба была далеко не лишней, так как в зале поднялся такой шум, что решительно ничего нельзя было слышать. Когда, наконец, благодаря вмешательству Флинта, голос которого звучал, как корабельная сирена во время тумана, спокойствие отчасти восстановилось, Джилмор продолжал свою речь:

– Прежде чем приступить к аукциону, считаю своим долгом напомнить одно из условий этой продажи, а именно: популярная недвижимость сделается полною собственностью того, кто ее купит, и какие бы географические или метеорологические перемены ни последовали в будущем, право собственника навсегда останется за ним неприкосновенным и неотъемлемым.

Опять упоминалась эта загадочная оговорка, которая если у одних возбуждала смех, то у других невольно будила подозрение.

– Аукцион открыт! – объявил дрогнувшим голосом Джилмор и взялся за молоточек из слоновой кости.

Подняв его привычным жестом аукциониста, он выкрикнул гнусавым голосом:

– Торг начался с оценки: десять центов за квадратную милю.

Десять центов, или одна десятая часть доллара, что в общем составляло сумму в сорок тысяч семьсот долларов за всю Полярную область.

Делегат Дании сделал первую надбавку.

– Двадцать центов! – сказал он.

– Тридцать центов! – крикнул Янсен от имени Голландии.

– Тридцать пять! – сказал Гаральд от имени Швеции и Норвегии.

– Сорок! – провозгласил Борис Карков от имени России.

Это подняло первоначальную сумму уже до ста шестидесяти тысяч восьмисот долларов, а между тем аукцион только начался.

Не мешает заметить, что представитель Англии до сих пор не раскрыл еще рта, и его плотно сжатые губы не издали ни единого звука.

Молчал и Форстер, представитель фирмы, торговавший треской. Он держал в руках газету и, казалось, был углублен в чтение коммерческих известий.

– Сорок центов за милю, – повторил, растягивая слова, громогласный Флинт, – сорок центов!

Четыре товарища майора Донеллана переглянулись. Неужели они уже так быстро дошли до предельной суммы своего кредита? Неужели им с этой минуты придется устранить себя от участия в аукционе?

– Итак, сорок центов, – повторил Джилмор. – Кто больше? Сорок центов!.. Ведь, надо полагать, Северный полюс стоит

подороже...

Датский делегат не устоял и крикнул:

– Пятьдесят центов!

Голландский делегат надбавил еще десять.

– Шестьдесят центов за милю... – снова раздался голос

Флинта. – Шестьдесят центов!.. Кто больше?..

Образовалась уже очень порядочная сумма в двести сорок четыре тысячи долларов.

Надбавка голландского делегата, видимо, произвела благоприятное впечатление на присутствующих, и в зале раздался одобрительный шум. Странная и, тем не менее, обычная вещь: бывшие в зале бедняки без копейки за душой, казалось, были больше, чем настоящие участники, заинтересованы этой схваткой долларов.

Последняя надбавка Янсена возымела некоторое действие и на майора Донеллана: он поднял голову и посмотрел на Тудринка, но тот сделал едва уловимый отрицательный жест, и майор промолчал.

Форстер же по-прежнему был углублен в чтение газеты и изредка делал на ее полях какие-то пометки карандашом.

Стоявший в толпе Мэстон переглядывался с миссис Скорбит и одобрительно кивал головой, отвечая на ее улыбки.

– Ну, что же все вдруг замолчали? – продолжал Джилмор. – Нельзя ли поживее?.. Аукцион тянется как никогда!.. Итак, никто не дает больше?.. Можно кончать?..

И, говоря это, он то поднимал, то опускал свой молоточек

из слоновой кости, приговариваясь стукнуть им в последний раз.

– Семьдесят центов! – сказал Гаральд уже не вполне уверенным тоном.

– Восемьдесят! – выкрикнул Борис Карков, едва дав закончить своему сопернику.

– Ну-с!.. Восемьдесят центов! – подхватил Джилмор, большие круглые глаза которого разгорались всё больше и больше по мере того, как надбавляли цену.

Дэн Тудринк сделал жест, так подействовавший на майора Донеллана, что тот вскочил, как бы поднятый пружиной.

– Сто центов! – коротко, точно отчеканивая, произнес представитель Великобритании.

Этими двумя словами Англия брала на себя обязательство внести четыреста семь тысяч долларов. Державшие пари за англичан громко крикнули «ура», подхваченное многими из публики; зато другие – державшие пари за Америку – переглянулись и видимо приуныли, разочарованные таким печальным оборотом дела. Шутка ли сказать: четыреста семь тысяч долларов! И добро бы за что-нибудь действительно стоящее такой суммы, а то чуть не полмиллиона долларов за айсберги и ледяные поля! Но представитель таинственной «Северной полярной компании» не издал еще ни звука, не поднял ни разу головы. Неужели он так и просидит всё время молча, не сделав ни одной надбавки?! Если допустить даже, что ему хотелось выждать момента, когда деле-

гаты Дании, Голландии, Швеции и России исчерпают свои средства, то ведь эта минута уже, по-видимому, настала. По крайней мере, судя по тому, как все отнеслись к почтенной цифре майора Донеллана – «сто центов», – ясно было, что они уже готовились к отступлению.

– Сто центов за квадратную милю! – два раза повторил оценщик.

– Сто центов!.. Сто центов!.. Сто центов!.. – громко повторял аукционист.

– Кто больше? – спросил Джилмор. – Итак, решено?.. Жалеть никто не будет?

И, говоря это, он поднял молоточек и обвел глазами всех присутствующих, затаивших дыхание от сильного волнения.

– Раз!.. – стукнул он молоточком, – два!..

– Сто двадцать центов!.. – спокойно произнес Вильям Форстер, перевертывая газету и даже не поднимая головы.

– Гип! Гип! – подхватили державшие крупные пари за Америку.

Майор Донеллан, в свою очередь, гордо выпрямился; его длинная шея механически поворачивалась над угловатыми плечами, а тонкие губы сложились и стали похожи на клюв. Он кинул молниеносный взгляд на представителя американской компании, но безуспешно. Тот даже не шевельнулся.

– Сто сорок! – произнес майор Донеллан.

– Сто шестьдесят! – сказал Форстер.

– Сто восемьдесят! – прогремел майор.

– Сто девяносто! – пробормотал Форстер.

– Сто девяносто пять центов! – завопил делегат Англии и скрестил на груди руки, как будто бросая вызов всем американским штатам.

В зале наступила такая тишина, что слышен был бы полет бабочки, шорох ползущего червячка, движение микроба. Казалось, в данную минуту жизнь каждого из присутствующих была в руках майора Донеллана. Его подвижная голова теперь не двигалась. Дэн Тудринк, наоборот, ожесточенно скреб себе затылок. Джилмор приостановился на несколько секунд, показавшихся всем вечностью. Агент рыбной фирмы продолжал читать газету и по-прежнему делал карандашом какие-то пометки, очевидно, не имевшие ничего общего с продажей Северной области.

Неужели и он дошел до той предельной суммы, превысить которую уже не мог? Неужели он откажется сделать хоть малейшую надбавку? Неужели сам он понял, что зашел слишком далеко и что предложенная сумма за ледяную пустыню – верх безумия?

– Сто девяносто пять центов! – повторил аукционист. – Стучу!..

И он взмахнул молоточком, собираясь ударить им по столу.

– Раз!., два!..

– Кончайте!.. Кончайте!.. – послышались нетерпеливые голоса многих из публики, крайне недовольных нерешитель-

ностью главного распорядителя аукциона.

– Раз!.., два!.. – повторил он опять.

Взоры всех были устремлены на представителя «Северной полярной компании».

А этот удивительный человек вынул из кармана большой клетчатый фуляровый платок и начал не спеша громко сморкаться. Глаза Мастона и миссис Скорбит тоже были устремлены на толстяка, и по тому, как лица их то бледнели, то краснели, можно было догадаться, каких усилий стоило им скрыть свое волнение. Чем объяснить, что Вильям Форстер так медлил и колебался сделать надбавку к цене, предложенной майором?

Между тем Форстер высморкался раз, другой, даже третий и только тогда скромно пробормотал:

– Двести центов!

Весь зал содрогнулся; еще мгновение – и в воздухе раздалась такие неистовые крики: «Гип!.. Гип!..», что стекла зазвенели в окнах. Майор Донеллан был ошеломлен: точно подкошенный, он тяжело опустился на стул, рядом с не менее смущенным, чем он сам, Тудринком. Цена за всю область доведена была до восьмисот тысяч долларов; очевидно, превышать эту сумму уполномоченный Великобритании не имел права.

– Двести центов! – сказал Джилмор.

– Двести центов! – возгласил за ним Флинт.

– Раз!.. Два!.. Кто больше?..

Майор Донеллан, движимый невольным побуждением, опять встал и окинул взором всех делегатов, которые, видимо, только на него и возлагали надежду отстоять Северный полюс от американцев. Но это было последним усилием английского делегата. Он открыл было рот, но не проронил ни слова и снова сел. Англия уступила своему сопернику.

– Три! – прокричал Джилмор, и по залу пронесся стук молоточка.

– Гип!.. Гип!.. Гип!..– орали державшие пари за Соединенные Штаты.

Известие о том, как кончился аукцион, мигом разнеслось по Балтиморе, а телеграфная проволока передала его во все уголки Старого и Нового света.

С этой минуты Полярная область сделалась собственностью «Северной полярной компании». На следующий день Форстер, согласно американским правилам, отправился объявить, на чье имя приобретена вышеупомянутая покупка. На предложенный ему вопрос последовал ответ: Барбикен и К°.

Глава IV

в которой появляются старые знакомые наших юных читателей

Барбикен и К°!.. Председатель Пушечного клуба! Действительно есть чему подивиться! Что делать артиллеристам в подобном предприятии? А вот мы сейчас это увидим.

Нужно ли официально представлять читателям Импи Барбикена, председателя Пушечного клуба в Балтиморе, капитана Николя, Мастопа, Тома Гентера с его деревянными ногами, неутомимого Билсби, полковника Блемсбери и многих других их товарищей, которых читатели уже знают? Конечно, нет! Эти чудаки, правда, постарели на двадцать лет с тех пор, как своей попыткой отправиться на Луну заставили говорить о себе весь мир, но в остальном они остались всё те же. Им всем не хватало кому руки, кому ноги, но это были всё те же отчаянные люди, готовые очертя голову броситься в любое самое необыкновенное приключение. Время не одолело этот легион отставных артиллеристов – оно их щадило, как оно щадит пушки, вышедшие из употребления и украшающие музеи старых арсеналов.

Если Пушечный клуб еще двадцать лет назад, то есть в первый год своего основания, насчитывал уже восемьсот тридцать три члена (понятно, мы подразумеваем под послед-

ним словом людей, а никак не члены их тела, не их руки и ноги, в чем у многих из этих оригиналов и тогда уже ощущался большой недостаток), то в описываемое нами время их было, конечно, неизмеримо больше. Число их особенно возросло со времени последней, получившей всемирную известность, попытки членов этого клуба завязать сношения с Луной. Нелишне будет в нескольких словах напомнить читателям эту знаменитую историю, наделавшую в свое время немало шума.

Несколько лет спустя, после войны между Севером и Югом, некоторые из членов Пушечного клуба, тяготясь полным бездействием, задумали с помощью колоссального орудия пустить ядро на Луну. С этой целью на полуострове Флорида была отлита и установлена исполинская пушка. Выпущенный из этой пушки цилиндро-конической формы алюминиевый снаряд, правда, не долетел до места назначения, а возвратился на Землю.

В снаряде находились председатель клуба Импи Барбикен и капитан Николь. Третьим пассажиром был француз, один из самых рьяных любителей сильных ощущений. Все трое вернулись из этой поездки целыми и невредимыми. И всё же впечатление этого полета было настолько сильно, что если американцы и остались при своей готовности принять участие в любом новом предприятии, то у француза оно отбило навсегда охоту к такого рода путешествиям; он уехал в Европу, по-видимому, разбогател и зажил припеваючи, сажая

капусту в своем огороде.

Вернувшись восвояси, Барбикен и Николь, окруженные славой, некоторое время предавались отдыху и покою, но покою относительному.

Эти беспокойные люди не переставали мечтать о новых подвигах и великих предприятиях. В деньгах у них недостатка не было: у них осталось от собранного по подписке в Новом и Старом свете капитала около двухсот тысяч долларов. Кроме того, если бы они только захотели ездить по городам Америки и показываться в своем алюминиевом снаряде, они собрали бы денег достаточно, не говоря о том, что подновили бы и свою славу.

Барбикену и членам клуба, очевидно, нечего было бояться за будущность, но их одолевала тоска, и, чтобы избавиться от нее, они и задумали приобрести Северный полюс. Однако предприятие это требовало таких денег, что без щедрой поддержки миссис Скорбит Америке не удалось бы победить Европу.

Объяснялась же эта щедрость вот чем:

Со времени возвращения председателя Барбикена и капитана Николя окружал ореол славы, но слава коснулась и еще одного человека.

Читатели, конечно, догадываются, что вопрос идет о секретаре клуба, пылком и энергичном Мастоне. Не его ли изумительным вычислением и математическим выкладкам главным образом обязана успехом эта смелая попытка? И ес-

ли он не принял лично участия в полете ядра, то уж, конечно, не потому, что устрасился рискованного путешествия, а исключительно по той причине, что у почтенного артиллериста была всего одна левая рука (вместо правой у него был железный крючок), да и череп был не совсем в порядке, так как его покрывала гуттаперчевая заплата. Показать его жителям Луны – значило бы дать жителям Луны дурное представление об обитателях Земли, а ведь Луна всего-навсего скромный спутник нашей Земли. Оттого-то Мэстон, к своему глубокому сожалению, должен был остаться; но он не сидел сложа руки. Он принял самое деятельное участие в сооружении телескопа колоссальных размеров.

Телескоп поместили на пике Лонга, одной из высочайших вершин Скалистых гор, и Мэстон тоже переселился туда.

С момента выстрела Мэстон уже не отходил от гигантского инструмента и неотступно следил за своими друзьями в их величественном полете по небу.

Многие думали, что отважные путешественники навсегда потеряны для Земли. Однако непредвиденное отклонение изменило направление полета. Снаряд не упал на Луну, но только описал кривую вокруг нее. Развив страшную скорость, он вернулся к Земле и упал в воды Тихого океана.

Известие об этом было немедленно сообщено Мэстону.

Секретарь Пушечного клуба поспешно покинул обсерваторию в Скалистых горах и бросился на выручку. В районе погружения снаряда были предприняты спасательные рабо-

ты, и преданный Масто́н сам не задумался облечься в водолазный костюм, чтобы спасти своих друзей.

Но оказалось, что в таких мерах не было необходимости. Алюминиевый снаряд, нырнув столь великолепно, всплыл затем на поверхность Тихого океана. Когда моряки американского фрегата подобрали его, то Барбикен, капитан Николь и Мишель Ардан спокойно играли в домино в своей плавучей тюрьме.

Возвращаясь к Масто́ну, надо сказать, что участие в этих удивительных приключениях принесло ему широкую известность. С металлическим крючком вместо правой руки и со своей гуттаперчевой заплаткой на черепе, он, конечно, не был красив. Он не был и молод – в пору нашего рассказа ему уже стукнуло пятьдесят восемь лет. Но оригинальность характера, живой ум, огонь в глазах и тот горячий интерес, с которым он относился ко всему, – не говоря уже о его славе замечательного математика, – сделали его идеальным человеком в глазах миссис Скорбит.

Еванжелина Скорбит.

Надо прибавить, что богатая вдова, лишенная сама способности к математическим вычислениям (простое сложение вызывало у нее головную боль), по необъяснимой странности чувствовала особенную склонность если не к математике, то к математикам. Люди, справлявшиеся со всякими «иксами» так же просто и легко, как фокусник со стаканами и бутылками, умы, понимавшие формулы вроде

$$\iiint \varphi(x, y, z) dx dy dz,$$

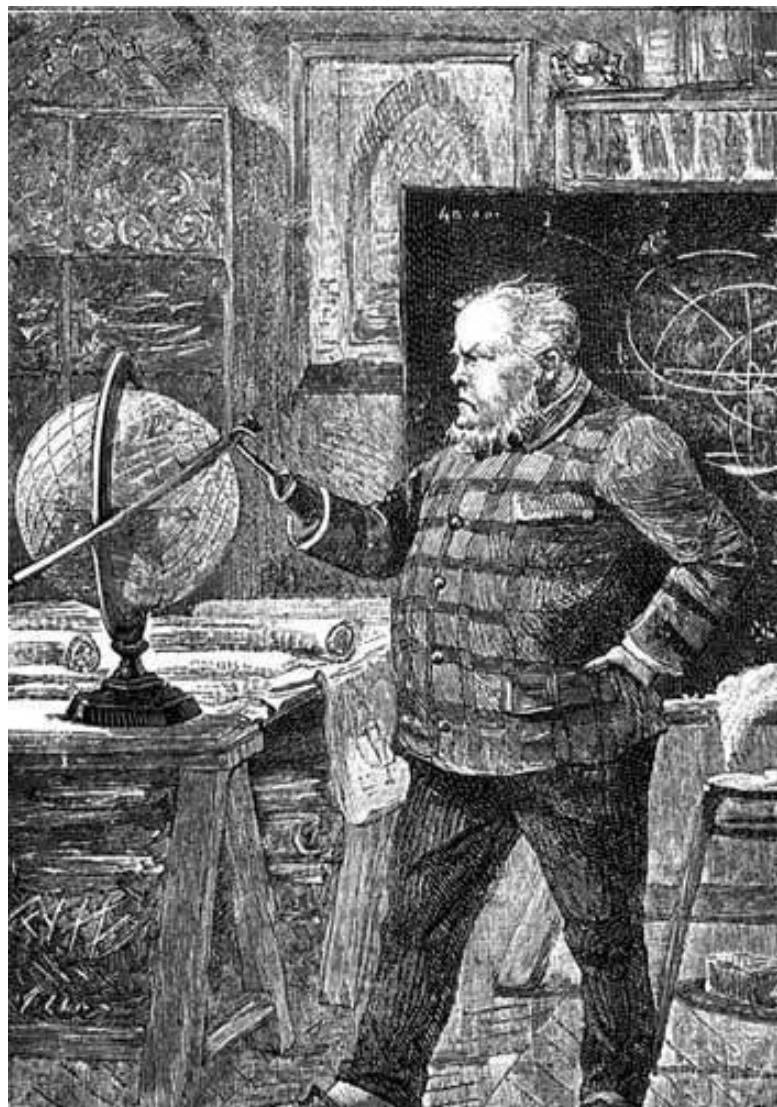
всегда возбуждали в ней большое уважение.

Горячая симпатия, которую миссис Скорбит почувствовала к Мастоу, была скоро замечена им; однако она не только не обрадовала, но даже встревожила его. Он никогда не мечтал о семейных узах. Начать с того, что богатая вдова была уже не первой и даже не второй молодости (ей уже минуло сорок пять лет), а длинные зубы, тощая фигура и прилизанные на висках волосы совсем не красили ее. Состояние американской вдовы было очень велико. Правда, она далеко не была так богата, как Вандербильт, Гульд, Гордон Беннет и другие заатлантические миллиардеры, но все-таки смело могла участвовать в празднестве, устроенном в отеле на Пятой авеню¹⁵ в Нью-Йорке, где присутствовали исключительно

¹⁵ *Пятая авеню* – улица, где живут самые известные богачи Нью-Йорка.

но гости, обладавшие не менее чем пятью миллионами каждый. У миссис Скорбит и было именно около пяти миллионов долларов, оставленных ей покойным мужем, Джоном Скорбитом, который сколотил такую почтенную сумму торговлей модным платьем и соленой свининой.

Разумеется, вдова покойного Джона Скорбита не задумалась бы расстаться со своим состоянием, если бы жертва эта могла послужить к славе Масто́на. И по просьбе Масто́на миссис Скорбит охотно согласилась вложить несколько сот тысяч долларов в предприятие, затеянное «Северной полярной компанией». Она была уверена, что дело, в котором участвовал Масто́н, не могло не быть грандиозным, необыкновенным. А когда стало известно, что во главе его стоит Барбикен и К^о, то ее доверие еще укрепилось.

Дж.-Т. Мэстон.

Итак, миссис Скорбит сделалась владелицей если не всей, то во всяком случае значительной части Полярной области. Отлично! Но как сделать прибыльной эту недостижимую область? Этот вопрос с денежной стороны очень интересовал миссис Еванжелину Скорбит, а весь остальной мир интересовался этим вопросом вообще из любопытства.

Миссис Скорбит уже не раз еще до аукциона начинала свои расспросы, но Мэстон, оставаясь верным своей сдержанности, уклонялся от ответа, говоря, что нужно немножко терпения и тогда она узнает то, чему суждено удивить весь мир! Если же она настаивала, то Мэстону достаточно было сказать:

– Побольше, побольше доверия ко мне, милая миссис Скорбит! – и миссис Скорбит тотчас же умолкала.

Можно себе представить, какую радость испытала Еванжелина Скорбит, когда секретарь Пушечного клуба сказал, что если Америка одержала верх над своими соперниками, то этим триумфом страна всецело обязана ей одной.

– Не могу ли я узнать что-нибудь хоть теперь? – спросила вдова.

– Скоро, скоро узнаете всё, – сказал математик, крепко, чисто по-американски, тряся руку своей обожательницы.

Несколько дней спустя Старый и Новый свет были потря-

сены еще больше новым известием об изумительном – можно сказать, дошедшим до последних пределов фантазии – проекте «Северной полярной компании». Купив Северную область, она собиралась эксплуатировать... как бы вы думали – что? Ни более ни менее как угольные залежи Полярной области.

Глава V

а можно ли допустить, что около Северного полюса имеются залежи каменного угля?

Этот вопрос являлся прежде всего у каждого логически мыслящего человека.

– Откуда могли бы взяться пласты угля на Северном полюсе? – говорили одни.

– Да почему бы им и не быть там? – возражали другие.

Как известно, каменноугольные месторождения встречаются в очень и очень многих пунктах земного шара: ими щедро наделена Европа и обе части Америки. Имеются они и в Африке, и в Азии, и даже в Океании. По мере исследования земного шара залежи эти открывают во всех его геологических пластах; антрацит встречается в наиболее древних, другие сорта – в позднейших наслоениях.

Наряду с развитием промышленности пропорционально увеличивается и потребление угля. Брюхо промышленности только и живет углем: ничего другого оно не потребляет¹⁶. Промышленность представляет собою углеядное животное, очень и очень прожорливое. Притом уголь является не толь-

¹⁶ Написано до того, как начали широко пользоваться для промышленных целей энергией падающей воды.

ко топливом, а вместе с тем и веществом, из которого современная техника извлекает всевозможные продукты. Сообразно изменениям, которым он подвергается в тиглях лабораторий, уголь может служить для окраски, для обсахаривания, для придания аромата всевозможным духам, для образования пара, для отопления, освещения. Каменный уголь полезен не менее, чем железо.

Но если железо неистощимо, то говорить то же про каменный уголь нельзя. Допуская даже, что кризис наступит не ранее, чем через несколько сот лет, люди, заглядывающие в будущее, озабочены уже и теперь приисканием новых залежей всюду, где они могли сохраниться.

– Всё это отлично, – возражали завистники и злопыхатели, каких немало в Америке, – но где же данные, что ископаемый уголь находится и около Северного полюса?

– Где данные? – повторяли сторонники Барбикена. – Они налицо. Начать с того, что некогда разница температуры у экватора и полюсов была почти незаметна. Значит, в ту эпоху, когда наша планета находилась под непрерывным действием высокой температуры и влажности, еще задолго до появления на Земле человека, северные области земного шара были покрыты густыми лесами!

Как бы то ни было, но с этой минуты угольные залежи Полярной ледяной области, приобретенной новой акционерной компанией, сделались положительно злобой дня. О них толковали на все лады газеты и журналы. Одни отнесли к во-

просу шутливо, другие взглянули на дело серьезнее и с научной точки зрения. Раз в Полярной области были леса, почему бы не допустить, что там действительно образовались угольные залежи?

Во всяком случае при ближайшем знакомстве это предположение не казалось уже неправдоподобным. Возможно, что полярные страны обогатят тех, кто займется их эксплуатацией.

Об этом говорили однажды майор Донеллан и его секретарь, усаживаясь за отдельный столик в ресторане «Два друга».

– Неужели Барбикен, – чтоб его черт побрал! – сказал Тудринк, – прав в своем предположении?

– Возможно!

– Но в таком случае они наживут огромные деньги на эксплуатации полярных областей?

– Само собой разумеется! Северная Америка вообще очень богата каменноугольными залежами. А Полярная область составляет, по-видимому, продолжение американского материка: на это указывает тождественность геологического строения и положения. Гренландию, например, можно положительно считать за продолжение Америки.

– Как лошадиная голова, на которую она похожа, служит продолжением туловища лошади, – заметил Дэн Тудринк.

– Неужели Барбикен, – сказал Тудринк, – прав в своем предположении?

Донеллана очень интересовало геологическое строение Севера – ведь дело касалось угольных месторождений, а эта тема приводит в раздражение каждого англичанина. Они долго говорили бы об этом, но вовремя спохватились, заметив, что к их разговору прислушиваются остальные посетители ресторана. Опасаясь сказать что-нибудь лишнее, они сочли более благоразумным удалиться.

– Не удивляет ли вас только одно, майор Донеллан? – сказал Тудринк, уже вставая из-за столика.

– Именно что? – спросил майор.

– А то, что в этом предприятии, где вопрос идет о Северном полюсе и где первое место должно бы принадлежать инженерам или уж во всяком случае морякам, фигурируют только одни артиллеристы.

– Да, пожалуй, вы правы: это странно!

Не дремали тем временем и газеты. Вопрос об угольных копях, видимо, пришелся им по вкусу и обсуждался на всякие лады.

«Залежи, залежи! Спрашивается, какие такие залежи?» – задавала вопрос в одной яростной статье солидная газета, служившая интересам английских коммерсантов высшего полета.

«Какие? – последовал немедленно ответ американской «Дейли-Ньюс», сторонницы Барбикена. – Да хоть бы те, что открыл в 1875 г. на границе 82-го градуса широты капитан Нейрз».

«Или, наконец, – поспешила вставить и свое словцо еще одна газета, тоже очень сочувственно относившаяся к Барбикену и его товарищам, – залежи, открытые в 1881 и 1884 гг. во время экспедиции лейтенанта Грилли в бухте Франклин!»

Такие точные и серьезные ссылки на авторитет ученых исследователей производили свое действие и заставляли умолкнуть противников председателя Пушечного клуба. Однако, потерпев поражение относительно угольных залежей, наличие которых была теперь доказана, враги новой акционерной компании всё еще не могли успокоиться и сделали попытку подойти к вопросу с другой стороны.

– Будь по-вашему! – сказал майор Донеллан на одном из публичных диспутов, состоявшемся в зале Пушечного клуба. – В этой области залежи существуют, – я не только допускаю, но утверждаю это. Однако дело в том, чтобы их разработать...

– Что мы и намереваемся сделать! – спокойно ответил Барбикен.

– Вы перейдете за 84-й градус, что не удалось еще ни одному из самых отважных исследователей?..¹⁷

– Да, перейдем.

¹⁷ Это было верно для 1889 года, когда появился роман.

– И проберетесь к самому Северному полюсу?..

– К самому Северному полюсу!

Понятно, что такие ответы, высказанные притом уверенным тоном, невольно производили впечатление даже на упорных скептиков и заставляли их колебаться. Все чувствовали, что перед ними стоит неизменный Импи Барбикен, каким знали его уже много лет: спокойный, холодный человек, не любящий бросать слов на ветер, точный, как хронометр, предприимчивый и не упускающий практической цели даже в самых рискованных своих предприятиях. Майор Донеллан испытывал неистовое желание задушить своего противника.

Всё это, однако, нимало не помешало журналам с ожесточением наброситься на уважаемого председателя Пушечного клуба и наполнить карикатурами на него столбцы своих листков. Больше всего изощрялись английские журналы. Англичане никак не могли переварить победы доллара над фунтом.

В витринах больших книжных магазинов главных городов Европы и Америки появились карикатуры на Барбикена и его товарищей, изыскивающих всевозможные курьезные способы для достижения полюса.

На одной из таких карикатур отважный американец, стараясь достигнуть конечной точки земной оси, окруженный членами Пушечного клуба, заступом рыл в сплошных глыбах льда огромный тоннель.

На другой – Барбикен был изображен с двумя товарища-

ми, Мастоном и Никодем, поразительное сходство с которыми не допускало ни малейшего сомнения. Все трое, видимо, достигли обетованной земли на воздушном шаре, употребив невероятные усилия... и отыскивали лишь один кусок каменного угля весом в полфунта! Только всего и нашлось в знаменитых околуполярных залежах.

Английский «Пэнч» поместил карикатуру, изображавшую секретаря Пушечного клуба Мастона, влекомого к магнитному полюсу, который притягивал к себе железный крючок его руки.

Будучи человеком горячего темперамента и не обладая хладнокровием своего друга Барбикена, почтенный Мэстон отнесся к этой шутке с яростным негодованием. Нечего и говорить, что Евангелина Скорбит разделяла его возмущение.

Карикатура брюссельского журнала «Фонарь» изображала, как Импи Барбикен и члены правления компании, решив растопить полярный океан, поливают лед спиртом и поджигают его. Они трудились среди моря пламени, но сами оставались невредимыми, как мифические саламандры.

Всех остроумнее оказалась карикатура одного французского журнала. В чреве кита, комфортабельно и уютно устроенном, сидели за столиком Барбикен и Мэстон в ожидании прибытия к назначенной цели и спокойно играли в шахматы. Самоотверженные президент и его друг без колебания дали проглотить себя морскому млекопитающему, который, пробравшись под льдами, доставил бы их к полюсу.

Но журнальные насмешки и карикатуры, по-видимому, нисколько не тревожили и не задевали хладнокровного директора компании. Он только улыбался и спокойно продолжал свою работу. Подписка на акции, по сто долларов каждая, притом за наличные деньги, не оставляла желать ничего лучшего. Она шла так бойко, что в самое короткое время с избытком покрыла требуемую сумму и 16 декабря была закрыта, составив колоссальный капитал в пятнадцать миллионов долларов. Это почти в три раза превысило сумму, собранную двадцать лет назад Пушечным клубом, когда члены его задумали установить сообщение Земли с Луной.

В чреве кита сидели за столиком Барбикен и Мэстон и спокойно играли в шахматы.

Глава VI

в которой внезапно прерывается телефонный разговор между миссис Скорбит и Мастоном

Барбикен не только утверждал, что верит в достижение своей цели; он действительно был уверен в полном успехе и только потому решился открыть подписку на акции.

– Итак, в самом недалеком будущем Северному полюсу предстояло сделаться достоянием человека.

Очевидно, Барбикен и его товарищи нашли средство сделать то, что не удавалось до сих пор никому. Они задались целью перешагнуть восемьдесят четвертую параллель, вступить во владение обширной областью, приобретенною с аукциона, и, водрузив на ней американское знамя, прибавить к его голубому полю еще одну звезду в честь нового штата союза.

– Фантазеры! – продолжали повторять европейские делегаты и их сторонники в Старом свете.

А между тем ничего не могло быть проще, практичнее и разумнее того средства, которое «Северная полярная компания» готовилась применить для того, чтобы овладеть Северным полюсом. Это средство было уже изобретено Мастоном, знаменитым математиком. Его мозг, прикрытый гуттаперче-

вой заплатой, был очагом фантастических и смелых планов.

Секретарь Пушечного клуба, как не раз было сказано, отличался необыкновенной способностью к математическим вычислениям, выкладкам и т. п. Для Мастона не существовало затруднений в математике.

Президент Пушечного клуба Барбикен.

Ах, эти коэффициенты, показатели степени, радикалы и другие знаки алгебраического языка! С какой легкостью они выпархивали из-под его пера или, вернее, из-под мелка, укрепленного в его железном крючке, так как он предпочитал работать на черной доске. Здесь, на пространстве десяти квадратных метров – меньше ему бы не хватило – он с жаром предавался алгебраическим вычислениям. На его доске не было обыкновенных мелких цифр: это были цифры огромные, фантастические, начертанные рукою пылкого гения. Цифры 2 и 3 выступали важно, как бумажные петушки; цифра 7 возвышалась, как виселица, не хватало только повешенного; 8 – смотрела на вас, как большие очки, а 6 и 9 – далеко расчеркивались своими длинными хвостами.

А буквы в его формулах, первые буквы алфавита – *a*, *b*, *c*, которыми он обозначал величины, известные или данные, и самые последние буквы – *x*, *y*, *z*, которые применялись у него для величин неизвестных, – какая жирная определенная линия, без теней и недомолвок! Особенно замечательная была буква *z*: она судорожно извивалась, как молния в небе. А какое изящество в греческих буквах π , λ , ω – им позавидовали бы Архимед и Евклид!

Чисто и безупречно начертанные мелом знаки действия были просто чудесны: «+» определенно указывал, что он

означает сложение двух количеств; «-» был скромнее, но выглядел всё же вполне прилично; «=» эти две черточки, неоспоримо одинаковые, говорили о том, что Мэстон – гражданин страны, где равенство не является пустым звуком, по крайней мере в отношении белокожих. С тем же размахом и также внушительно были выполнены знак «<», знак «>» и знак

Но что было его настоящим триумфом, так это знак «√», который обозначает корень числа или количества. Когда Мэстон заканчивал его длинной горизонтальной чертой, вот так:

казалось, что это протянутая рука выходит за пределы черной доски и угрожает всему миру, грозит всё подчинить себе.

Не подумайте только, что математические познания Мэстона ограничивались пределами элементарной алгебры.

Нет! Ни дифференциальное, ни интегральное исчисления не были ему чужды; твердой рукой выводил он знаменитый знак интеграции, которым обозначают сумму бесконечного числа бесконечно малых элементов, букву простую и всё же страшную:

$$\int$$

Словом, для Масто́на в этой науке не было преград и пределов.¹⁸

Таков был уважаемый секретарь Пушечного клуба. И вот почему его друзья, возлагая на Масто́на решение какого-нибудь вопроса, требующего математических познаний, вполне доверялись ему. Вот почему Масто́ну было поручено членами Пушечного клуба решить задачу о полете пушечного ядра на Луну! И вот почему украшенный ореолом славы он пленил сердце Еванжелины Скорбит.

¹⁸ Жюль Верн придает здесь математическим знакам сатирический смысл. Знак « \Rightarrow » в математике, обозначающий равенство, применен к равенству граждан в Америке, существующему лишь формально: на словах, на бумаге, а не на деле. Знак радикала « $\sqrt{\quad}$ » делается изображением американского империализма. Под горизонтальную черту радикала в математике подводятся величины, из которых извлекается корень. Эта черта сравнивается с длинной рукой, жадной до захватов. Буква « \int » – интеграл, знак, употребляемый только в высшей математике. Жюль Верн называет ее «знаменитой», намекая на ту же букву, которая служит обозначением доллара. Знак « $\$$ » действительно стал общеизвестным символом сделок, спекуляций и торгашества. Жюль Верн сближает здесь математические знаки, то есть нечто очень отвлеченное, теоретическое, с теми вполне реальными сторонами американской действительности, для обличения которых и написан этот роман.

Впрочем, в данном случае, то есть в решении проблемы овладения Северным полюсом, Мэстон не предвидел для себя особых трудностей. Предстоящая задача, очень сложная для всякого другого, для него была сущим пустяком.

Да, Мэстону можно было довериться! Даже в таком деле, где ошибка могла обойтись в миллионы долларов! Никогда еще во всю свою жизнь, начиная с детского возраста, когда его юная голова работала над решением какой-нибудь несложной арифметической задачи, не сделал он ни единой ошибки даже на тысячную долю микрона¹⁹. И если бы когда-либо в жизни с ним случилась подобная беда, он, не колеблясь, пустил бы пулю в свой гуттаперчевый череп.

Нам важно было остановить внимание читателей именно на этой особенности Мэстона. Прежде чем продолжать рассказ, необходимо вернуться к событиям, которые произошли несколько недель назад.

Почти за месяц до опубликования известного читателям объявления о продаже Северного полюса, обошедшего Старый и Новый свет, Мэстон получил поручение сделать все нужные для своего проекта вычисления.

Секретарь Пушечного клуба уже много лет жил в доме № 179, на Франклин-стрите – одной из самых тихих, спокойных улиц Балтиморы, вдали от беспокойных деловых кварталов города. Здесь к нему не достигал шум толпы, столь ему ненавистный.

¹⁹ *Микрон* – тысячная доля миллиметра.

Не имея никаких средств, кроме небольшой пенсии артиллерийского офицера в отставке и жалованья секретаря Пушечного клуба, Мاستон занимал очень скромное жилище, известное под названием Баллистик-коттеджа. Он жил один, с слугой, которого он иначе не звал, как Пли-Пли – прозвище, достойное старого артиллериста. В сущности, это был не слуга, а скорее друг. Старый служака-бомбардир ухаживал за своим хозяином, как ухаживал он когда-то за своей пушкой.

Мастон причислял себя, и не без основания, к закоренелым холостякам, давно усвоившим убеждение, что если на свете и можно еще существовать, то исключительно человеку, не связавшему себя брачными узами.

Если он жил так одиноко в своем Баллистик-коттедже, то по доброй воле. Ему стоило только выразить малейшее желание, и одиночество его мгновенно сменилось бы на жизнь вдвоем, а его скудные средства – на миллионное состояние. Он не мог сомневаться в том что миссис Скорбит сочла бы за счастье... Но в том-то и дело, что сам Мастон, по крайней мере до сей поры, не мог счесть за счастье...

Баллистик-коттедж был простым домиком в два этажа: нижний этаж состоял из гостиной с верандой, из столовой и пристройки, прилегающей к дому, в которой помещались кухня и кладовая. Во втором этаже была спальня, окнами на улицу, и кабинет почтенного математика, выходивший окнами в сад; это было тихое убежище, в стенах которого было

сделано столько вычислений, что им позавидовали бы Ньютон, Лаплас и Коши²⁰, взятые вместе.

Великолепный дом, занимаемый вдовой Скорбит, представлял совершенную противоположность скромному коттеджу ее друга. Он находился в одном из самых богатых кварталов Нью-парка и затейливой своей архитектурой, с резными балкончиками и колоннами, не то в готическом стиле, не то в стиле ренессанс, своими роскошно меблированными гостинными, высокой залой, картинной галереей, в которой преобладала французская живопись, лестницей на две стороны, наконец всей обстановкой богатого дома – невольно приковывал к себе внимание. Позади дома тянулся прекрасный сад, с лужайками, с большими деревьями и фонтанами. А над ним возвышалась башня, на которой развевался голубой с золотом флаг миссис Скорбит.

Целых пять километров, если не больше, отделяли особняк в Нью-парке от Баллистик-коттеджа. Чувствовать себя на столь далеком расстоянии от друга было слишком тяжело для Еванжелины Скорбит, и, по ее настоянию, оба дома были соединены прямым телефонным проводом. Это позволяло их обитателям разговаривать друг с другом в любой час дня и ночи. Разговаривающие, правда, не могли видеть один другого, но слушать – сколько угодно. Никто, вероятно, не удивится, если мы скажем, что миссис Скорбит чаще вызывала к телефону Масто́на, чем Масто́н – миссис Скор-

²⁰ Коши Огюстин Луи (1789—1857) – французский математик XIX века.

бит. Когда в кабинете математика раздавался телефонный звонок, он нехотя оставлял свою работу, не спеша подходил к телефону и, проворчав что-то на дружеское приветствие миссис Скорбит, спешил вернуться к своим расчетам. Телефонная проволока, надо полагать, несколько смягчала резкий тон Мастона, так как богатая вдова отходила от аппарата вполне удовлетворенной.

3 октября, после окончательного, довольно продолжительного совещания, секретарь Пушечного клуба простился с товарищами и удалился в свой домик с целью приняться за работу. Важное дело, порученное ему, состояло в том, чтобы сделать вычисления по механике, относящиеся к предполагаемой эксплуатации каменноугольных копей в области полярных льдов.

На эти вычисления Мастон предполагал употребить не меньше семи-восьми дней. Чтобы избежать помехи в занятиях, было заранее условлено, что в это время никто не будет беспокоить математика в его домике. Такого рода решение было большим горем для Еванжелины Скорбит, но... она вынуждена была покориться. Накануне добровольного затворничества Мастона к нему зашли, в последний раз, Барбикен, Николь, Билсби и еще несколько членов Пушечного клуба, чем воспользовалась миссис Скорбит и тоже присоединилась к друзьям математика.

– Нет сомнения, дорогой Мастон, что успех за вами! – сказала она ему прощаясь.

– А главное, Масто́н, смотрите, не сделайте ошибки! – улыбаясь, шутливым тоном прибавил Барбикен.

– Разве можно допустить, что Масто́н ошибется!.. Да что вы!.. – воскликнула вдова, оскорбленная за своего друга.

После обмена дружескими рукопожатиями, нескольких сдержанных вздохов вдовы, пожеланий полного успеха и просьб не изнурять себя чрезмерной работой, все простились и ушли. Дверь Баллистик-коттеджа была заперта на двойной замок, и Пли-Пли получил приказание до нового распоряжения не принимать ни единой души, хотя бы явился сам президент Соединенных Штатов.

Первые два дня своего затворничества Масто́н посвятил обдумыванию данной ему задачи и не брал в руки мела. Он пробежал несколько известных сочинений, содержащих сведения об элементах Земли, ее массе, плотности, объеме, форме, движении вокруг оси и вокруг Солнца, – словом, всё то, что должно было лечь в основание его вычислений. Вот те данные, с которыми нелишне будет познакомить и читателей.²¹

Форма Земли: эллипсоид, большая полуось которого равна 6378388 метрам, а малая – 6356909 метрам. Таким образом, разница полуосей, вследствие сплюснутости эллипсоида, равняется 21 479 метрам.

Окружность Земли по экватору составляет 40 000 километров.

²¹ Числа исправлены.

Поверхность Земли равна приблизительно 510 миллионам квадратных километров. Объем же – около 1 083 миллиардов кубических километров.

Плотность Земли приблизительно в пять с половиной раз больше плотности воды.

Время обращения Земли вокруг Солнца совершается в 365 суток с четвертью, что составляет сидерический (астрономический) год, или, точнее, 365 суток 6 часов 9 минут 10 секунд. Скорость составляет 30 километров в секунду.

Каждая точка земной поверхности на экваторе при обращении Земли вокруг оси пробегает 465 метров в секунду.

За единицы длины, силы, времени и угла Мастон принял метр, килограмм, секунду и центральный угол, соответствующий дуге круга, равной радиусу.

5 октября, около пяти часов пополудни, – дело идет о важных событиях и необходимо быть точным, – почтенный математик, обдумав всё зрело, приступил, наконец, и к письменным выкладкам. Начал он с числа, выражающего окружность большого круга Земли, иначе сказать, – с экватора.

Черная доска, на полированной дубовой подставке, стояла в углу кабинета, и свет падал на нее из окна, выходящего в сад. На рейке внизу доски лежали аккуратно сложенные мелки. Тут же, слева, висела и намоченная губка. Своей правой рукой с крючком математик будет чертить и писать.

Прежде всего Мастон начертил необыкновенно правильно и отчетливо круг, изображающий нашу планету. Чтобы

сферичность фигуры выступала рельефнее, лицевая, видимая линия экватора была обозначена непрерывной линией, а заслоненная, невидимая – пунктиром. Земная же ось, начинаясь у полюсов, шла в виде перпендикуляра к плоскости экватора и на концах обозначена была буквами *N* и *S*.

Затем в углу доски Мэстон написал число

40 000 000

длину окружности Земли в метрах.

Покончив с этим, математик стал перед доской, собираясь приступить к вычислениям. Он так углубился в свои занятия, что не обратил внимания на состояние неба, с полудня покрывшегося темными грозowymi облаками. Уже больше часа собиралась гроза, которая обычно оказывает сильное влияние на организм людей и животных. По темно-серому свинцовому небу, низко опустившись над городом, медленно плыли тучи. Вдали раздавались раскаты грома. Два или три раза молния зигзагами прорезала душный воздух.

В углу доски Мэстон написал число 40 000.

Но Мэстон, всё больше углубляясь в занятия, ничего не видел и не слышал. Вдруг тишина кабинета была нарушена резким звонком телефона.

– Этого еще недоставало! – проворчал Мэстон. – Вот они, люди! Никогда-то от них не отделаешься! Нельзя в дверь, так по телефону!.. Нечего сказать, прекрасное изобретение для людей, ищущих покоя!.. Ну, да я положу этому конец: велю разъединить телефон на всё время, пока буду занят!..

С мелом в руке он не спеша подошел к телефону.

– Что нужно? – спросил он.

– Сказать вам несколько слов!.. – ответил женский голос.

– Кто говорит?

– Неужели, милый Мэстон, вы не узнали моего голоса?..

Это я, миссис Скорбит!..

– Миссис Скорбит!.. Она, кажется, никогда не оставит меня в покое!..

Последнее замечание, не особенно лестное для вдовы, было сказано на таком расстоянии от аппарата, что не могло долететь до телефона. Зная, что ответить все-таки следует, Мэстон сказал более любезным тоном:

– А, это вы, миссис Скорбит?

– Да, да, это я, мистер Мэстон!

– Что угодно от меня, миссис Скорбит?

– Предупредить вас, что над городом сейчас разразится страшная гроза!..

– При чем же я тут?! Ведь не в моей власти помешать этому...

– Но я хотела только спросить, закрыты ли у вас окна...

Едва успела миссис Скорбит выговорить последнее слово, как раздался страшнейший треск и долгий раскат грома, точно кто-то раздирал длинный кусок шелковой материи. Молния упала рядом с Баллистик-коттеджем, и электрический разряд пробежал по телефонной проволоке. Мэстон, державший в руке приставленную к уху телефонную трубку, получил такую электрическую пощечину, какой, наверно, не получал ни один ученый в мире. Молния, пройдя по его металлическому крючку, повалила почтенного Мэстона на пол, точно бумажного солдата. Падая, он толкнул черную доску, и она отлетела в другой угол. Наделав таких бед, молния ушла в землю.

– Неужели вы не узнали моего голоса?.. Это я, миссис Скорбит!..

Ошеломленный толчком, Мэстон встал с пола и стал ощупывать себя, чтобы убедиться, всё ли у него цело. Проведя это, несколько не теряя самообладания, как и подобало старому артиллерийскому служаке, он поднял прежде всего доску, поставил ее на прежнее место, подобрал обломки мела и снова принялся за работу, прерванную так неожиданно и грозно.

Взяв мел, Мэстон заметил, однако, что написанное им в углу доски число, выражавшее в метрах окружность нашей планеты, стерлось. Он стал было писать это число заново, как вдруг в комнате снова раздался телефонный звонок.

– Опять! – воскликнул Мэстон, отрываясь от работы и подходя к аппарату. – Кто говорит?..

– Миссис Скорбит.

– Что угодно от меня, миссис Скорбит?

– Скажите, не ударила ли эта страшная молния в Баллистик-коттедж?

– Имею основания думать, что это случилось...

– Ах! Боже мой!.. Какая молния!..

– Успокойтесь, миссис Скорбит...

– Она не повредила вам, дорогой Мэстон?

– Ни малейшим образом...

– Вы уверены, что она не тронула вас?..

– Если я чем-либо тронут, то исключительно вашей любезной заботливостью обо мне, – галантно ответил математик.

– До свиданья!

Молния повалила почтенного Мастона на пол, точно бумажного солдата.

– До свиданья, миссис Скорбит!

– Черт бы побрал эту прелестную особу! – ворчал математик, отходя от телефона. – Не позови она меня так некстати к телефону, я не подвергся бы риску быть убитым на месте!

Но помеха была на этот раз уже последней. Больше в продолжение всего времени, пока Мастон был занят, никто его не потревожил. Для этого он принял самые энергичные меры и велел выключить провод, соединявший его домик с особняком вдовы.

Взяв за основание начертанное им число, он ввел его в ряд уравнений, затем, сделав конечный вывод, записал его на левой стороне доски, стерев все предыдущие цифры, и уже после этого пустился в бесконечные дебри алгебры.

Через восемь дней, 11 октября, вычисления были окончены, и секретарь Пушечного клуба торжественно преподнес свою работу друзьям, ожидавшим этой минуты с понятным интересом.

Способ добраться до Северного полюса и принятая там за разработку каменноугольных залежей был найден при помощи математики. Следствием этого было немедленное основание нового акционерного общества, присвоившего себе наименование «Северной полярной компании», которой ва-

Шингтонское правительство обещало концессию в том случае, если Полярная область останется за американцами.

Читателям уже известны результаты аукциона и его последствия.

Глава VII

в которой Барбикен не говорит больше того, что он хочет сказать

22 октября акционеры компании Барбикен и К^о получили приглашение на общее собрание, назначенное в этот день в залах Пушечного клуба, в доме в Унион-сквере. Само собою разумеется, акционеры поспешили откликнуться на призыв, и в помещении клуба собралось столько публики, что она с успехом могла бы заполнить обширный сквер, окружающий клуб.

В обыкновенное время огромный зал Пушечного клуба был убран всевозможными орудиями, висевшими на стенах и расставленными по углам и вдоль стен. Он напоминал настоящий артиллерийский музей, тем более, что стулья, столы, диваны, – словом, вся меблировка носила соответствующий обстановке отпечаток, изображая своей формой разные смертоносные орудия, отправившие на тот свет немало людей, затаенной мечтой которых было умереть своей смертью.

Но в тот день пушки, загромаждающие клуб, были убраны, так как собрание было посвящено мирным, промышленным целям. Казалось, было где разместиться многочисленным акционерам, съехавшимся со всех концов Соединенных Штатов. И всё же залы были переполнены, было тесно, душ-

но.

Члены клуба в качестве главных акционеров новой компании заняли все первые места. Тут были и Том Гентер, и полковник Билсби, и многие другие знакомые читателям члены клуба и друзья президента. У всех был необыкновенно торжественный вид. Для Еванжелины Скорбит было приготовлено особое удобное кресло. Она внесла в предприятие такую солидную сумму, что уж одно это давало ей право воссесть по правую руку самого председателя. Миссис Скорбит была, впрочем, далеко не единственной дамой на этом собрании: в числе присутствующих было немало богато разодетых женщин. В сущности, большинство акционеров были не просто акционерами, но и яркими сторонниками и личными друзьями Барбикена.

На особо отведенных местах сидели делегаты европейских государств. Они были приглашены на заседание ввиду того, что каждый из них подписался на известное число акций, что давало им право совещательного голоса. Легко представить себе тот жгучий интерес, с которым они явились сюда, горя желанием узнать способы проникновения в неведомые полярные области, с которыми собирался познакомиться публику председатель Пушечного клуба. Нечего, впрочем, скрывать, что Карков, Бальденак, Янсен и Гаральд пришли в собрание далеко не с миролюбивой целью; они готовились воспользоваться первой ошибкой, первой неточностью Барбикена, чтобы потребовать слова. Со своей сторо-

ны, майор Донеллан, подстрекаемый Тудринком, был полон решимости бороться со своим соперником Барбикеном.

Было восемь часов вечера. Залы, гостиные и даже сквер Пушечного клуба были ярко освещены электрическими лампочками. Слышался шум оживленных разговоров. Стоило, однако, дворецкому клуба возвестить, что члены правления явились, как в залах тотчас же воцарилась мертвая тишина.

На эстраде, задрапированной сукном, стоял покрытый темной бархатной скатертью, ярко освещенный стол, за которым заняли места Импи Барбикен, Мاستон и Николь.

В зале грянуло «ура», подхваченное толпой, запрудившей весь сквер.

Мастон и капитан Николь сели, а Барбикен встал, сунул левую руку в карман, а правую – за жилет и начал свою речь:

– Акционерши и акционеры! Правление «Северной полярной компании» пригласило вас на это собрание для того, чтобы сделать вам важное сообщение. Из газетной полемики вам, конечно, уже известно, что цель нового акционерного общества – разработка каменноугольных залежей на Северном полюсе. Концессия на это предприятие уступлена нам правительством Соединенных Штатов. Капитал, собранный на акции по подписке, закрытой уже 11 декабря, позволяет надеяться на полный успех предприятия, обещающего беспримерные выгоды акционерам.

На этом месте речь Барбикена была прервана одобрителем гулом публики.

– Вам, конечно, небезызвестны, – продолжал оратор, – те доводы и основания, которые привели нас к убеждению, что околополярные страны богаты каменноугольными залежами, и, может быть, костью ископаемых мамонтов. Относящиеся к этому вопросу данные были напечатаны в свое время в журналах и газетах всего мира; в существовании залежей нельзя сомневаться. В настоящее время каменный уголь сделался источником всей промышленности; не говоря уже об угле как топливе и о той роли, которую он играет при получении электрической энергии, применение его вообще чрезвычайно разнообразно. Нет отрасли промышленности, которая могла бы обойтись без угля, и я утомил бы присутствующих, если бы позволил себе привести длинный перечень того, куда он употребляется и что из него добывают.

Тут Барбикен остановился, как запыхавшийся бегун, и затем, набрав воздуха, продолжал:

– Итак, как вы сами видите, каменный уголь должен считаться одним из драгоценнейших ископаемых богатств нашей планеты. А между тем он с каждым годом всё более и более истощается и через какие-нибудь пятьсот лет, не более, залежи его будут использованы и...

– Не через пятьсот лет, а через триста! – крикнул кто-то из присутствующих.

– Через двести! – перебил его кто-то другой.

– Не будем точно определять срока, – сказал Барбикен, – скажем лишь, что это неминуемо случится рано или поздно,

и примем меры, чтобы катастрофа не застала нас врасплох.

Новая пауза. Внимание слушателей достигло крайней степени.

– Поэтому, – снова начал Барбикен, – вставайте и едем вместе к Северному полюсу!

Публика и в самом деле стала подниматься, готовая схватиться за чемоданы, как будто Барбикен показал им корабль, отходящий прямо к Северному полюсу.

Однако замечание, сделанное пронзительным голосом майора Донеллана, остановило этот пылкий и безрассудный порыв.

– Но прежде чем отчалить, – сказал он, – интересно было бы узнать: каким способом предполагается совершить это путешествие? Не морем ли?

– Ни морем, ни по суше, ни по воздуху, – тихим, кротким голосом ответил Барбикен.

Успокоенная этим ответом публика снова заняла свои места, горя нетерпением познакомиться с дальнейшим планом оратора.

– Вам всем, конечно, известно, – начал он, – что несмотря на самопожертвования, энергию и мужество полярных путешественников, 84-ю параллель не переступала еще нога ни одного человека. Скажу больше: этого никогда и не достигнуть тем способом, к которому до сих пор прибегали: то есть морем или на лыжах. Слишком низкая температура и сопряженные с этим путешествием опасности не по силам челове-

ку. Ввиду этого для победы над Северным полюсом необходимо найти другие пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.